

УДК 351.74

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВОНАРУШЕНИЕ: ГНОСЕОЛОГИЯ ВИНОВНОСТИ И НАКАЗУЕМОСТИ

А.А. Беженцев

ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних
дел Российской Федерации», г. Санкт-Петербург

DOI: 10.26456/vtpravo/2020.4.059

Автором исследуется гносеология форм вины в зависимости от степени общественной опасности, делается вывод о том, что признание административным законодательством виновности свойством всех административных правонарушений имеет исключительно важный смысл, так как способствует точному соблюдению принципов социальной справедливости, дальнейшему укреплению законности в стране и отвечает не только требованиям последующего развития административного права, но и нуждам правоприменительной практики административно-юрисдикционной деятельности. Одним из обязательных юридических признаков понятия административного правонарушения является и наказуемость деяния, так как в действующем КоАП РФ применяется как термин «наказание», так и «взыскание». Автор разграничивает данные понятия, делает вывод о том, что наказуемость является одним из необходимых признаков понятия административного проступка, поскольку без административного правонарушения не возможно наказание, точно так же как без причины нет следствия.

Ключевые слова: административное правонарушение, вина, формы вины, административное наказание, неотвратимость наказания, административное взыскание, гносеология виновности, гносеология наказуемости.

Противоправность административного деликта находится в монолитной связи с виновностью субъекта в его совершении. И если административная противоправность характеризует деяния относительно его юридической формы, то есть внешнего выражения, то виновность охарактеризовывает его внутреннюю, субъективную сторону, показывает отношение к проступку лица, которое этот деликт совершило, то есть непосредственно нарушителя права.

В целом вопросам гносеологии правовых явления посвящены труды многих современных ученых-правоведов, таких как: В.Н. Жуков [3, с. 352], С.И. Захарцев, В.П. Сальников [4, с. 45 – 55], Е.А. Шапиро [9, с. 51 – 72], однако нынешним проблемам административно-правовой гносеологии в целом, и требующим на сегодня разрешения вопросам гносеологии виновности и наказуемости при совершении

административного правонарушения и привлечения к административной ответственности, учеными уделяется недостаточное внимание, что подчеркивает актуальность исследуемой темы.

Вина, как обязательный гносеологический признак административного проступка, впервые нормативно закрепляется Основами законодательства Союза ССР и союзных республик об административных правонарушениях (приняты Верховным Советом СССР 23.10.1980 № 3145-Х (ред. от 28.07.1988) в разделе II «Административное правонарушение и административная ответственность» в ст. 7 «Понятие административного правонарушения» при определении понятия административного правонарушения (проступка). При этом было подчеркнуто, что есть две формы вины, при наличии которых деяние может признаваться административным проступком: а) вина в форме умысла; б) вина в форме неосторожности.

Действующий Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации (далее – КоАП РФ) сохраняет среди признаков административного деликта (ст. 2.2. «Формы вины») виновность и детализирует в ч. 1 и 2 сущность административного правонарушения, совершенного умышленно и по неосторожности.

Этим законодатель обращает внимание на то, что всякое действие/бездействие, в том числе и административный деликт, находится под контролем сознания субъекта, его совершившего. Согласно ч. 1 ст. 2.2. «Формы вины» КоАП РФ, административный проступок квалифицируется совершенным умышленно, если субъект, его совершивший, сознавал противоправный характер своего действия/бездействия, предвидел его вредные последствия и желал или сознательно допускал наступление данного отрицательного результата.

При формулировке определения умышленной вины законодатель акцентирует внимание на том, что субъект проступка: а) осознает противоправный характер своего действия; б) предусматривает его вредные последствия; в) желает или сознательно допускает наступление именно таких последствий. Учитывая указанное, законодатель указывает (прямо или косвенно) на умышленную форму вины как признак ряда деяний, образующих конкретные составы административных правонарушений. Это, например, умышленное уничтожение или повреждение агитационного материала либо информационного материала, относящегося к выборам, референдуму (5.14 КоАП РФ), умышленное сокрытие источника заражения венерической болезнью (ст. 6.1 КоАП РФ), умышленное сокрытие авиационного происшествия или инцидента (ст. 11.30 КоАП РФ).

Однако в большинстве случаев вывод о форме вины можно сделать лишь на основе анализа всех признаков, приведенных в

соответствующей статье особенной части КоАП РФ. О преднамеренной вине может свидетельствовать, в частности, характер проступка, например, ряд самовольных административных правонарушений в области охраны собственности из гл. 7 КоАП РФ (ст. 7.1, 7.4, 7.5, 7.6, 7.9).

В составах административных проступков, которые могут быть совершены как умышленно, так и по неосторожности (например, выпуск на линию транспортных средств без технического средства контроля (ст. 11.23 КоАП РФ), наличие умышленной вины может служить основанием для наложения на виновного более строгого взыскания.

В зависимости от типичных черт волевого момента выделяют прямой умысел, когда лицо хочет наступления деструктивных результатов, и косвенный, когда субъект только осознанно допускает возможность их появления. Причем как предвидением, так и желанием или допущением обязаны охватываться все те результаты, которые уместаются в состав определенного деликта, за совершение которого субъект привлекается к административной ответственности.

Административный проступок признается совершенным по неосторожности, если субъект, его совершивший, предвидел вероятность наступления вредных результатов своего действия/бездействия, но легкомысленно надеялся на их предупреждение либо не предвидел реальность наступления данных последствий, хотя должен был и мог их предугадывать.

Наличие в деянии этой формы вины указывает на меньшую степень его общественной опасности, благодаря чему: а) имеет принципиальное значение для его квалификации (как преступления или административного проступка); б) может служить основанием для наложения менее строгого взыскания в пределах санкции, предусмотренной соответствующей статьей КоАП РФ.

Неосторожная вина существует в виде а) самоуверенности (самонадеянности), когда субъект административного деликта предугадывал вероятность прихода вредных результатов своего действия/бездействия, но легкомысленно рассчитывал на их предупреждение; б) небрежности, когда субъект административного деликта не предусматривал вероятность наступления вредных последствий, хотя должен был и мог их предвидеть.

Итак, в процессе формулирования понятия вины, как обязательного признака административного правонарушения, законодатель приходит к необходимости вывода о том, что в отсутствии вины нет правонарушения, и, как следствие этого, административной ответственности и наказания.

Одним из обязательных юридических признаков понятия административного правонарушения является и наказуемость деяния. В то же время официальное (нормативное) определение административного проступка такого термина не содержит. В ст. 2.1 КоАП РФ говорится о деяниях в виде действия/бездействия за которые законодательством предусмотрена административная ответственность. Вообще в действующем КоАП РФ применяется как терминология «наказание» (гл. 3 Административное наказания), а в необходимых случаях используется термин «взыскания» (по ст. 3.5 «административный штраф является денежным взысканием...»). По этому поводу возникает вопрос о соотношении указанных терминов и понятий, которые обозначаются в кодифицированном правовом документе.

В.И. Даль толкует эти понятия как адекватные. По его анализу, взыскания – это наказание виновного за проступки [1, с. 202], а наказание означает наложение взыскания [2, с. 420]. С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова уточняют, что взыскание длиться долго и представляет из себя меру воздействия, применяемую к кому-либо за вину, проступок и преступление, причиняющую затруднения, хлопоты. Наказание в их понимании – мера воздействия на того, кто совершил проступок, преступление, кроме того оно относится к чему-то трудному, тяжелому и неприятному, является выражением осуждения [7, с. 81, 383]. Энциклопедический словарь объясняет административное взыскание в виде меры наказания, применяемого соответствующими органами или должностными лицами [8, с. 217]. С позиции С.А. Кузнецова, взыскание – это наказание за невыполнение или нарушение чего-либо. выговор (административное, дисциплинарное), а наказание – это мера воздействия, применяемая к кому-либо за какую-либо вину, проступок, преступление [5, с. 128, 583].

Итак, большинство авторов сходятся во мнении, что данные понятия являются практически синонимами. А вот законодательные акты определяют определения взыскания и наказания так, что возникает возможность их трактовки как различных правовых категорий. Так, КоАП РФ в статье 3.1 «Цель административного наказания», определяет его мерой ответственности, используемой для воспитания субъекта, совершившего административный проступок, в русле строгого соблюдения законов, норм морали и нравственности, уважения к правилам общежития, а также предотвращения совершения новых административных деликтов, как самим правонарушителем, так и прочими субъектами.

Уголовный кодекс в ст. 43 «Понятие и цели наказания» устанавливает наказание как особую меру государственного принуждения, применяемую исключительно от имени государства по

приговору суда к лицу, признанному виновным в совершении преступления, что охватывается предусмотренным законом ограничением прав и свобод, определенными обременениями осужденного лица и имеет мишенью не только наказание, но и максимальное по охвату исправление осужденных, а также превенцию совершения новых преступлений, как осужденными лицами, так и иными субъектами.

Сравнение приведенных конструкций показывает, что наиболее существенное отличие между уголовным и административным наказанием может быть отыскано в отсутствии четкого указания на то, что административное наказание содержит компоненты карательной политики державы.

Такая ситуация дала возможность на соответствующем этапе развития административно-деликтных знаний предположить, что таким образом законодатель подчеркнул качественное отличие санкций, применяемых за совершение административного правонарушения, от санкций, применяемых за совершение преступления [6, с. 36].

С нашей позиции, представленное предположение не вполне юридически правильное. В данной мысли можно выделить два взаимообусловленных момента: во-первых, причинно-следственная связь правонарушения и наказания (как способ защиты от правонарушений) и, во-вторых, необходимость наказания как неизбежный результат защиты государства от нарушений условий его существования. Итак, наказание является неизбежным следствием правонарушения, реакцией государства на общественно опасное посягательство на его интересы.

Возвращаясь к тексту ст. 3.1 КоАП РФ, сосредоточим внимание на том, что наказание, прежде всего, определено как мера ответственности. Именно из-за испытания нужд субъект подвергается профилактическому воздействию и таким путем осуществляется достижение цели административной ответственности – воспитания лица, совершившего административное правонарушение, в русле неуклонного следования законам, строгого уважения к правилам общежития, предупреждения совершения новых административных правонарушений, как самим правонарушителем, так и иными лицами.

Исполнение обязанностей, о которых идет речь, является не чем иным, как наказанием. В целом, наказание – это и средство воздействия на того, кто имеет какую-то вину, и определенная законом мера ответственности правонарушителя за совершенные им действия, как реакцию общества на действия правонарушителя. Наказание заключается в применении к правонарушителю определенных правовых ограничений, изменении его статуса (морального – лишение или

приостановление некоторых прав; материального – осуществление штрафных санкций; физического – ограничение личной свободы).

Поэтому, отсутствие в нормативном определении понятия административного правонарушения фиксированного указания на его наказуемость еще не дает оснований считать административные деликты деяниями, не характеризуются таким признаком, как наказуемость.

Известно, что понятие всегда шире его определения. Поэтому законодатель хотя и не указывает в официальном определении понятия данный признак административного деликта, но признавая действия/бездействия субъекта противозаконным и виновным не может оставлять его безнаказанным.

Этот вывод согласуется с общепризнанным в правоведении положением о том, что значение наказания обуславливается вовсе не его жестокостью, а его неотвратимостью.

Нормативными конструкциями «административное наказание является мерой ответственности» (ст. 3.1 КоАП РФ) и «за совершение административных правонарушений могут применяться следующие административные наказания» (ст. 3.2 КоАП РФ) законодатель связывает установление конкретной меры наказания с совершенным административным правонарушением. Более того, он определяет эту связь как причину и следствие.

Из этого следует, три вывода: а) понятие «правонарушение» не может не включать в себя как обязательную и неотъемлемое свойство признак наказания; б) административным правонарушением можно считать только такое деяние, которое по действующему административно-деликтному законодательству влечет наказание; в) если законодатель не связывает административно-правовой запрет с наказанием, то деяние, нарушающее такой запрет, нельзя признать административным проступком.

Отметим, что административные взыскания являются не только средством принуждения лица, признанного виновным в совершении административного правонарушения, но и имеют целью не только наказание этого лица, но и его исправления.

Подытоживая вышесказанное, можно сделать следующий вывод: наказуемость является одним из необходимых признаков понятия административного правонарушения, поскольку без административного проступка не может быть наказания, точно так же как без причины нет следствия. В пользу данного вывода свидетельствуют следующие аргументы.

1. Правовой теорией обосновано важное положение, согласно которому соблюдение в обществе юридических норм обеспечивается принудительной силой государства, применяется в случаях нарушения

этих норм. Корреляция данного положения с теоретической концепцией административно-деликтного права состоит в том, что административно-деликтные нормы-запреты требуют применения наказания к виновному в пределах соответствующего взыскания как меры административной ответственности.

2. Отсутствие в законодательных конструкциях административного правонарушения термина «наказуемость» не исключает (скорее предполагает) наличие наказания, как важного признака вредного, общественно опасного, противоправного, виновного деяния.

3. Признание наказуемости обязательным признаком административного проступка является одной из гарантий эффективной защиты охраняемых административно-деликтных нормами общественных отношений, создает дополнительные условия для реализации требования неотвратимости наказания за совершение проступка, согласуется с положениями Конституции Российской Федерации.

4. Обеспечение проведения в жизнь требования неотвратимости наказания полностью соответствует фундаментальному принципу осуществления права – принципу законности при применении мер государственного принуждения.

Список литературы

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. Т. 1. М.: Русский язык, 1978. С. 202.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. Т. 2. М.: Русский язык, 1979. С. 420.
3. Жуков В.Н. Русская философия права: от рационализма к мистицизму. Монография. М.: «Проспект», 2017. 352 с.
4. Захарцев С.И., Сальников В.П. Институты права с позиций компрехендной теории познания // Государственно-правовые институты современного общества: сборник статей всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию Республики Башкортостан / Ответственный редактор: Ф.М. Раянов. Уфа: Башкирский государственный университет, 2018. С. 45 – 55.
5. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: «Норинт», 2000. С. 128, 583.
6. Лазарев Б.М. Административные правонарушения и ответственность за их совершение // Советское государство и право. 1985. № 8. С. 36.
7. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. Российская академия наук, Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е издание дополненное. М.: ООО «А ТЕМП». 2006. С. 81, 383,
8. Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. 2-е изд., доп. М.: Советская энциклопедия, 1983. С. 217.

9. Шапиро Е.А. Теоретические основы эпистемологии государства и права // Глава III монографии «Современная наука в теории и практике» / Научный редактор: С.П. Акутина. М.: «Перо», 2018. С. 51–72.

Об авторе:

БЕЖЕНЦЕВ Александр Анатольевич – кандидат юридических наук, доцент, подполковник полиции; начальник кафедры административной деятельности органов внутренних дел ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации», (Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилотова, д. 1); ORCID: 0000-0002-9909-9869; e-mail: adovd@mail.ru

ADMINISTRATIVE OFFENSE: ONTOLOGY OF GUILT AND PUNISHMENT

A.A. Bezhentsev

Saint-Petersburg university Ministry of the internal affairs of Russian Federation

The author examines the ontology of forms of guilt depending on the degree of public danger, concludes that the recognition by administrative legislation of guilt as a property of all administrative offenses has an extremely important meaning, as it contributes to the exact observance of the principles of social justice, further strengthening the rule of law in the camp and meets not only the requirements the subsequent development of administrative law, but also the needs of law enforcement practice of administrative jurisdictional activity awns. One of the mandatory legal features of the concept of an administrative offense is the punishability of the act, since the term «punishment» and «foreclosure» are used in the current Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, the author delimits these concepts, concludes that punishability is one of the necessary features of the concept of administrative misconduct, since without an administrative offense punishment is not possible, just as without a reason there is no investigation.

Keywords: *administrative offense, guilt, form of guilt, administrative punishment, inevitability of punishment, administrative penalty, ontology of guilt, ontology of punishment.*

About author:

BEZHENTSEV Alexander – PhD, associate professor, lieutenant colonel of the police; Head of the Department of Administrative Activities of the Internal Affairs Bodies of the Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education «St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation», (Russia, St. Petersburg, Letchika Pilyutova St., 1); ORCID: 0000-0002-9909-9869; e-mail: adovd@mail.ru

Беженцев А.А. Административное правонарушение: гносеология виновности и наказуемости // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2020. № 4 (64). С. 59–66.